

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС, ВОЕННЫЙ ВОПРОС И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Борис Ихлов

В 1988 году на допросе в МГУ сотрудник КГБ пенял мне:

- Понимаете ли вы, что своими экологическими протестами льете воду на мельницу мирового империализма? Сотрудник не понимал, что говорит правду: международный империализм действительно использует тему экологии и для удушения заводов-конкурентов, и для проникновения на секретные объекты, и для дискредитации правительств. Такой «экологией» занимаются в РФ и Елена Васильева, и «Левый фронт», и «Хранители радуги». Сотрудник КГБ имел в виду лишь ту дискредитацию руководства СССР, которая не была инспирирована Западом, но организовывалась по личной инициативе граждан. И получалось, что граждане, сами того не сознавали, объективно, оказывали Западу бесплатную услугу.

Но как быть, если в результате выбросов в атмосферу завода по переработке нефти детей на занятиях в школе тошнит, на улице люди теряют сознание, при этом и руководство, и КГБ, и прочие государственные службы не хотят себя дискредитировать? Любые протесты 1988-1989 годов против себя власть воспринимала и подавала как подрыв существующего строя. Такой постановки вопроса не было и нет ни в одной стране мира, но в СССР власти именно так ставили вопрос. Начиная с 30-х.

Вопрос разбивается на три:

- могут ли вообще рабочие бороться за свои права? Они подрывают тем самым экономику, а, следовательно, безопасность государства. Именно в таком ракурсе националисты, монархисты, государственники, имперцы, правые буржуазные партии и т.п. понимают Октябрьскую революцию. Больше того: любые революции такие пропрезидентские деятели, как Стариков или Фурсов, объявляют происками либо сионистов, либо англосаксов. Методологически это означает софизм, подмену сущности явлением, национальная форма проявления классового содержания подается как содержание. И почва для этого имеется, поскольку и форма содержательна, она включает в себя солидный перечень олигархов, в том числе зарубежных, и обслуживающей их интеллигенции. Но так или иначе, революции и массовые протесты, как закономерность имманентного исторически-экономического процесса, объявляются – посредством конспирологических фантазий - заговором внешних сил. Противоречие между трудом и капиталом объявляется несущественным в виду национальной угрозы. Именно в таком ключе действовало пропрезидентское НОД против бастовавших голодных рабочих Златоуста – умирайте с голоду, но «не раскачивайте лодку».

Напомню, что полного отсутствия забастовок, полного социального партнерства буржуазии и рабочих добился только один человек – Гитлер.

Очевидно, что левые должны поддерживать самостоятельные протесты рабочих - против как национальной буржуазии, так и ее орудия - национального буржуазного государства.

Рано или поздно любая национальная империя должна быть уничтожена рабочим классом. Вопрос лишь в том, как это будет происходить, о чем ниже.

- Рабочие действуют в единстве с собственной буржуазией лишь в случае национально освободительных революций, отстаивая буржуазное право на самоопределение. Эти революции прогрессивны лишь на восходящей ветви развития капитализма, т.к. капитализму удобнее развиваться в национальных границах. Развитый капитализм ломает государственные границы, в условиях развитого капитализма самоопределение носит регрессивный характер, оно не только препятствует свободе развития капитализма, но и ставит перегородки между пролетариями разных наций.

Таким образом, отделение Шотландии или Каталонии носит регрессивный характер.

Особый случай – ЕС, brexit. Здесь нужно понимать две вещи: а) ЕС уничтожил промышленность не только в странах бывшего СЭВ, но и в Греции. Поэтому необходимо забыть о пролетарском интернационализме и поддерживать страны бывшего СЭВ против ЕС, причем речь не идет о выходе из ЕС. Ибо для пролетарского интернационализма нужна промышленность, где бы трудились пролетарии, если ее нет – интернационализма нет тоже. в) Великобритания – сателлит США, она помогает Вашингтону душить Брюссель. Поэтому ее выход будет прогрессивным для ЕС.

- Могут ли протестами воспользоваться сильные мира сего, в том числе иностранные? Разумеется, в 1990-1991 гг. в СССР элита КПСС воспользовалась шахтерами, которым платила и АФТ КПИ. Олланд, чтобы сбить волну протеста против скачка безработицы легализовал однополые браки, начались волнения, США использовали протесты на Украине после обвала экономики – на майдане-2004, в 90-е гендиректора заводов устраивали забастовки «под себя». Либералы использовали забастовку питерских докеров и протест дальнбойщиков. Вашингтон использовал в Амстердаме троцкистов, анархистов, шведский анархо-синдикалистский профсоюз SAC – против объединения Европы, троцкистов и прочих левых – для агрессии в Югославии, Ливии, Сирии. Даже на президентских выборах в РФ в 2012 году попытались использовать рабочих. Правда, плохо получилось.

Использование протестов принято такой размах, что не только журналисты, но сами трудящиеся перестали верить в самостоятельность протестов, они уверены, что за спинами протестующих обязательно должна стоять какая-либо политическая или экономическая сила.

То есть, инициаторы протеста всегда должны держать в голове, будут ли они использованы в качестве массовки для пробивания интересов тех или иных правящих кланов.

В данном тексте ставится, в частности, еще один вопрос, должны ли армия, спецслужбы, рабочие ВПК участвовать в гражданских протестах? Не хватит ли спецслужбам совершать предательства, как это было в конце 20-х, когда они предали рабочий класс и пошли служить Сталину, в 1956-м, когда они предали Сталина, в 1964-м, когда они предали Хрущева, наконец, в 1991-м, когда они предали и СССР, и народы СССР? Полицейские – уже бастуют. А прочие?

Национальный вопрос и военный вопрос

«Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооружённым народом... - пишет Ленин в работе «Государство и революция». – Если средства производства принадлежат пролетариату, то необходимость в государстве отпадает; если же происходит огосударствление, то, наоборот, роль государства значительно возрастает, т.к. оно отчуждается от общества, всё более возвышаясь над ним. В этом случае, естественно, возрастает в роль армии». В работе, написанной в 1915 году, Ленин не отклоняется от марксовской схем: «Эта особая общественная власть необходима потому, что самодействующая вооружённая организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы. Эта общественная власть существует в каждом государстве. ... Постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти...» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т.21, стр.170-171).

Отклонение от схемы произошло сразу после 1917 года и состояло не только в сохранении классовой структуры – рабочий класс не исчез и не собирался исчезать, как бы этого не желало государство диктатуры пролетариата. Поскольку сохранился обезличивающий физический труд. Но и в том отклонение, что после поражения Веймарской республики рухнули надежды на мировую революцию. Революция будто бы победила в «отдельно взятой стране», между тем эту победу социализма в отдельно взятой стране Ленин называл мелкобуржуазным идеалом.

Оружие у самодействующего населения начали конфисковывать с 1918 года, в том же году создана регулярная рабоче-крестьянская Красная Армия. Постепенно она становится всё более профессиональной (фактически, кроме рядового состава – и не удивительно: после 8 часов у конвейера ни о каком контроле госчиновника в лице главнокомандующего и даже среднего командира со стороны пролетариата не могло идти и речи), как того требуют современные тактические и стратегические военные задачи, а командный состав образует особую социальную группу, в том числе по доходам. Эта группа, как и руководящий слой ВПК, изолируется не только от населения, но и от системы Советов, что трудно увязывается даже с 1-м Декретом Временного правительства. Функции армии, как и внешняя политика СССР в целом, перестают отличаться от функций армии любого капиталистического государства. А именно:

- 1) Сохранения лояльных режимов (Венгрия - 1956, Чехословакия – 1968);
- 2) Установление лояльных режимов (Финляндия, Польша – 1939, Афганистан - 1979);
- 3) Использование во внутренних конфликтах (Новочеркасск, Грозный – 1962, Орджоникидзе – 1981, ереванский аэропорт «Звартноц» - 1987, Тбилиси – 1989, Вильнюс – 1991, Рига – 1991, Баку – 1990, Грозный – 1991 (без последствий), Грозный – 1994, 1999);
- 4) Использование РВСН в качестве инструмента давления при заключении торговых сделок;
- 5) Продажа продукции ВПК (при самом разнообразном спектре мотивов.

Например, совершена продажа продукции в Эфиопию, где аналитиками прогнозировался просоветский режим, против Сомали, где прогнозировали антисоветский режим).

Разумеется, применение саперных лопаток в Тбилиси – миф, в Вильнюсе провокацию организовали израильские снайперы, в Венгрии и ЧССС советская армия выполняла функции защиты от западных спецслужб, в Польше армия вернула отторгнутое поляками в Гражданской, в Финляндии армия ответила на провокацию со стороны финской артиллерии, в Чечне армия не допустила финансовую оккупацию российской территории США и Великобританией, наконец, использование РВСН в торговле – прерогатива Запада, но не СССР.

Тем не менее, ясно, что военный вопрос для марксизма-ленинизма в современных условиях – далеко не простой. При всех негативных моментах фактом остаётся то, что наличие баланса между ведущими державами делает затруднительным применение силы (вытеснение французов из Алжира, американцев из Вьетнама, СССР из Афганистана). Энгельс однажды заметил, что когда-либо человечество накопит столько оружия, что войны станут невозможными в виду угрозы самоуничтожения. (Ту же мысль повторил один американский полковник, выступая по советскому доперестроечному телевидению вместе с Арбатовым. Арбатов возражал в том духе, что в Пентагоне всегда найдутся люди, готовые случайно привести в действие баллистические ракеты.) Исчезновение

баланса привело к экспансии, примером чему служат два вторжения в Ирак, бомбардировки Югославии, Ливии, развязывание войны в Сирии.

В начале 80-х по оценкам некоторых специалистов появились признаки того, что очередной виток гонки вооружений может оставить СССР позади. Хотя по мнению иных специалистов обе стороны признавали, что новый этап в развитии вооружении (СОИ и аналогичных программ в СССР) не даёт ничего нового, кроме затрат. Тем не менее, отставание экономики СССР в целом, замедление темпов ее роста было очевидным и не могло не сказаться на военном балансе. Так или иначе, но с 1985 г. начинается сокращение численности занятых на оборонных предприятиях СССР, которое проходит незамеченным на фоне отказа в одностороннем порядке от ядерных испытаний в 1986-м. В массе публикаций нагнетали образ военно-промышленного спрута, поглотившего экономику. В 1993 году в одном из номеров газеты Московской федерации профсоюзов «Солидарность» дана следующая оценка: «Если США затрачивали на оборонный сектор в разные периоды 8-12% своего валового национального продукта, то для советского Союза аналогичный показатель составлял порядка 19%». Столь осторожная оценка появилась в противовес расхожим 90%. В 1994-м «Московские новости» (№4) удваивают цифру: «Уровень производства оборонки упал с 1991 года по вооружениям и военной технике на 48% и сегодня только 20% приходится на чисто военную продукцию». (Т.е. составляла около 40%; для сравнения: в 1987 г. сельхозпродукция составляла 16% ВВП СССР).

Бывший зампред Госкомитета РФ по вопросам обороны В. Шлыков в журнале «СПЕДА», №12, 1996, приводит список оценщиков доли средств советского ВВП, направляемого на военные цели: ЦРУ – 12-15%, Пентагон – 25-30%, американский профессор Игорь Бирман – 25%, Михаил Горбачёв (апрель 1990) – 18-20%. Естественно, что не только в пропаганде, но и в массовом сознании определённые надежды на рост экономики связывались с сокращением расходов на армию и ВПК. «Если оборонная нагрузка на экономику, - цитирует Шлыков Е. Гайдара, работавшего в то время редактором журнала «Коммунист», - выраженная как доля совокупных военных расходов в валовом национальном продукте, многократно превышает соответствующий показатель в Японии, то бессмысленно закладывать в планы повторения японского экономического чуда. Конверсия оборонного сектора может стать важнейшим фактором... роста доходов государства, насыщения рынка новыми поколениями потребительских товаров, катализатором структурной перестройки хозяйства...»

Получая перестроечная конверсия сменилась в начале 90-х обвальная. Однако ожидаемого экономического роста не произошло. Шлыков полагает, что дело в мобилизационном предписании, в силу которого вся гражданская экономика устроена таким образом, чтобы в случае войны мгновенно перейти на военный лад (например, выпуск тракторов без запчастей). А потому независимо от состояния ВПК она остаётся милитаризованной. Не будем обсуждать эту точку зрения военного, нежели экономиста, хотя в плане экономики Шлыков вводит особую, структурную милитаризацию экономики, отличающуюся от милитаризации в США или Германии, что нетривиально. Отметим лишь, что никакое мобпредписание не обязывает эксплуатировать станки 1913 г. выпуска, производить спортивные лодки без весел, осуществлять встречные перевозки или просто халтурить. Проамериканский либерал Гайдар, пожелавший перевести безработицу из неявной формы в явную, здесь на две головы выше Шлыкова. Другое дело, что произошло не преформирование, а резкое увеличение армии безработных, да ещё за счёт квалифицированных кадров, что привело закономерным образом не к увеличению производительности труда или повышению качества продукции, а к атрофии интереса к труду. Что касается квалификации, то именно в оборонном комплексе высококвалифицированные мастера и рабочие составляли 20% их общего числа, что в 1,5 раза выше, чем в обрабатывающей промышленности (Вяч. Борисовский, «МН», №5, 1996).

По данным западногерманских и экономических журналов 1988 года военные заказы гражданскому производству составляли в СССР 45%, в США – 37% (по американской статистике – 2-4%). То есть, структурная или не структурная, но милитаризация экономики налицо.

Однако Гайдар в своих надеждах, а Шлыков в своём анализе его надежд, не учитывали совершенно иное:

- 1) Японское экономическое чудо оказалось возможным в том числе вследствие военного баланса сверхдержав, который позволили Японии выйти из под опеки США.
- 2) По данным Исследовательской службы Конгресса США в 1984-89 гг. СССР экспортировал оружия на Средний и Ближний Восток 27,3% общего экспорта вооружений в эти регионы, США – 26,7%. А в 1989-93 гг. всего 10%, в то время как США – 40%. Уход с рынков вооружений не мог не отразиться на экономике СССР-России в целом.
- 3) По данным американских военных и экономических журналов 1980 г. число занятых на военном производстве превышало в США 2 млн. человек (2,3% от общего числа занятых). Плюс 2,5 млн. учёных и инженеров. Доктор экономических наук Вяч. Борисовский в «Московских новостях» №5 за январь-февраль 1994 г. приводит подсчёты числа занятых изготовлением военной продукции в России – 3 млн. чел. В 4-м номере той же газеты за февраль 1994 г. сообщается, что российская оборонка – «это 2 тысячи крупных и очень крупных предприятий, на которых трудится 4,5 млн. человек. Из них в сфере науки – примерно 800 тыс. чел. Двое их трёх работников заняты в ВПК. Более 70 заводов-городов...» Скорее всего, цифры не совсем верны. Например, из слов «крупных

и очень крупных» можно приблизительно подсчитать общее число занятых: от 10 до 25 млн. чел., но никак не 4,5 млн. С другой стороны, неясно, что означает «двое из трёх». Для сравнения: в горнодобывающей отрасли СССР в 1989 г. было занято около 2,5 млн. чел. Непосредственно видно (хотя бы по оборонным предприятиям Челябинска, Перми, Свердловска и др., а это предприятия с числом работников от 10 до 70 тыс. чел.) только то, что численность занятых на заводах ВПК сократилась с 1991 по 1995 гг. в 2-3 раза (хотя «МН» №4, 1994, сообщают о 30% за 1991-93 гг.).

Обвальное сокращение, продолжающееся до сих пор, явилось результатом договорённости между Россией и США о свёртывании российских ВПК в обмен на займы. С 1989 г. японские и американские военные эксперты посещают закрытые военные объекты для оценки, во всяком случае, официально, возможностей конверсии. Однако, если в Англии, например, конверсия одного среднего предприятия происходит в течение 10 лет, то в России заводы были остановлены фактически за год-два, и на каком трудоустройстве уволенных не могло быть и речи. В 1997-м на предприятиях была введена однодневная рабочая неделя с месячным пособием в 70-80 тыс. р., рабочие приходили в цех только для поддержания оборудования в надлежащем состоянии, однако государство не спешило ликвидировать или объявить предприятия банкротами и изредка дотировало.

С традиционным лифтом по времени с момента массовых увольнений последовал шквал публикаций, немислимый в период строгой секретности, причём в основном с патриотической окраской (т.е. без анализа движения армии труда ВПК), о гибели российских флота, ПВО, стратегических войск и пр. (Любопытно, что не появилось не единой статьи о структурной гибели в связи с распадом СССР, хотя её последствия должны были быть более значительны, чем в производстве: всё равно, что разобрать трактор по винтику и каждый приватизировать, проблема Южмаша и КБ «Южное» заставит в 2005-м начать производство «Булавы», а в 2013-м встанет в полный рост). Им возражали редкие замечания о том, что за словами о гибели того или иного рода войск стоит желание оттянуть бюджетные средства. Замечания прошли незамеченными – уж слишком очевидны размеры потерь ВПК и вооружённых сил.

Уже в 1993 г. оппозиционеры выдвигают идею об использовании предприятий ВПК с высокими технологиями и квалифицированной рабочей силой в качестве локомотивов для разгона поезда экономики. В том же году Ельцин издаёт Указ (№1850 от 06.11.1993) «О стабилизации экономического положения предприятий и организаций оборонной промышленности и мерах по обеспечению государственного оборонного заказа». Однако и оппозиция, и сторонники ускоренного вооружения, и правительство не учитывают, в частности, такую деталь, как бесследное исчезновение государственных средств и долы займов, выделенных на конверсию, в срочном порядке созданных региональных и центральном фондах конверсии, не подлежащих какой-либо проверке со стороны трудовых коллективов. Что и послужило одной из причин однодневной рабочей недели.

Подобной «конверсией» в 1992-94 гг. было охвачено свыше 1500 предприятий и организаций, уничтожены научно-исследовательские институты, готовые «с ходу» работать в гражданской промышленности. Было высвобождено свыше 2 млн. работников. Указ же послужил в очередной раз прикрытием коррупции центра и местных управленцев. В 1993-м конверсионные предприятия получили 67% предусмотренных средств, а в 1994-м – лишь 13%. Недостаток по конверсионным программам 1994 года составил 262,1 млрд. р. Так, подпрограмма «Конверсия – экологии» предусматривала выделение 66,1 млрд. р. кредита, фактически получено 33,7 млрд. р. Для реализации подпрограммы конверсии предприятий Минатома выделено 820,5 млрд. р., получено 230,1 млрд. р., и так далее. (Здесь имеется в виду системное понятие коррупции, т.е. не только расхищение имеющихся средств, но и общую стагнацию вследствие погони за сверхприбылями). В целом снижение объёма военного производства официальные источники оценивают на 24,3% больше по сравнению с прогнозируемым.

Далее кабинет министров принял программу конверсии оборонной промышленности на 1995-97 гг., которая предполагала предоставить дотации для переподготовки работников, на содержание социальной инфраструктуры и уникальной испытательной базы. Кроме того, предполагалось предоставить льготный кредит на репрофилирование предприятия. Но 1995-96 гг. показывают, что и эта программа оказалась нереализуема. В конце концов, правительство решило приступить к отборочной поддержке перспективных производств и постепенному переносу акцента с инвестиционных методов государственной поддержки на косвенные (организационные и институциональные). 18 июля 1996 г. правительство постановило, что Министерство оборонной промышленности 1) принимает участие в разработке оборонного заказа, 2) вносит предложения по назначению представителей государства в АО оборонки, 3) координирует и контролирует деятельность предприятий оборонного значения. На этом деятельность государства по обеспечению собственной безопасности была исчерпана.

Причём дело не только в коррупции высшего и среднего управленческого звена или неспособности обеспечить необходимые дотации, но я в явной тенденции. В частности, в 1995 г. главе Роскомоборонпрома Виктору Глухих поступило более 20 заявок из стран дальнего зарубежья на двигатели АО «Пермские моторы», однако ни одна из них не была удовлетворена, более того, последовал скандал с закупкой Черномырдиным зарубежных двигателей «Боинга».

Вооружённые силы с 1991 г. - не в лучшем положении. «По существу прекращено перевооружение армии и флота на новую технику, - отмечала газета «Труд» за 18.01.1997, - ... в 1994 г. наши ВВС закупили у промышленности, самолётов, в 1995-м – 1, в 1996-м – ни одного. При потребности, которая считается тысячами единиц». Офицеры всех уровней занялись бизнесом, включая распродажу военной техники. В довершении государство оказалось не в состоянии вообще выплачивать зарплату офицерскому составу.

Статус, обеспечение и реформирование ВС и ВПК должна была бы определить военная доктрина. Ельцин обещал её сформулировать к маю 1992-го. Что не было сделано и к маю 1993-го. Наконец, доктрина появилась в исключительно размытом виде. Свободный доступ иностранных специалистов, действия Бакатина и т.д. сделали затруднительной для правительства её определённую формулировку.

Вместе с тем, возник момент, который послужил отправным для демократического наступления на армию: в связи с её использование во внутренних конфликтах. Уже после начала войны в Чечне Госдума РФ принимает в январе 1995 г. задним числом предложенный Ельциным Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ об обороне» 1992 года: «Использование ВС РФ для выполнения задач, не связанных с их предназначением, допускается только на основании указа Президента РФ, утверждаемого Советом Федерации...» (ст.10 часть 3).

Поскольку демократическая общественность поддерживала Ельцина, его действия в Чечне критике не подлежали, но руководство Чечни вследствие наступления демократов на российскую армию, оказалось более информировано, нежели Москва, не говоря уже о техническом оснащении. Что, в частности, и обусловило большие потери российской армии и, в конечном итоге, соглашение в Хасавюрте.

Разложение, которому подверглись ВПК и ВС РФ в ходе реформ, не требует особых документальных доказательств. Новые стереотипы – «Россия, родина, президент, православие, народ», - призванные заменить «социализм, родина, партия, народ», не прижилась. Масса офицеров отказалась принимать участие в боевых действиях в Чечне. Усилилось расслоение между старшим и младшим офицерским составом (что, между прочим, использовалось в избирательных кампаниях, например, Руцким, «поделившим» командный состав званием майора). Обострились противоречия между армией и МВД, особенно после октября 1993-го, которые в отсутствие рабочего движения ещё не достигли той формы, как в 1917-м, когда казаки, защищая рабочих от полицейских, били их шашками плашмя со словами: «За деньги вы служите!»

С одной стороны, Москва придержалась «на всякий случай» оборонку от полного развала (так, в 1994-м ввод в действие производственных мощностей на предприятиях Роскомоборонпрома составил 1,9 трлн. р. – 37,5% от намеченного, Минатома – 278 млрд. р., сохранились и минимальные дотации на зарплату работников оставленных предприятий. С другой стороны, все, казалось, было поставлено в зависимость от займов и рекомендаций МВФ. В итоге националистическая оппозиция получила широкую возможность обвинять верховную власть в государственной измене.

***

Очевидно, что перестройка и постперестройка не были восстанием масс, а революцией внутри правящей элиты, её вторых и третьих эшелонов (что подтверждает вялая реакция населения как на чеченский конфликт, так и на российско-американские учения в Оренбуржье, и на появление иностранных хозяев на предприятиях). Следовательно, как обрисовал подобную ситуацию ещё Макиавелли, революционеры могли использовать население только в качестве массовки, а помощи в борьбе со своими старыми коллегами были вынуждены просить у вчерашних внешних противников.

Займы по стандартному механизму привели к усилению расслоения между богатыми и бедными (в частности, потому, что ввоз капитала в виде денег и вывоз в виде сырья и технологий обеспечивает работой не местных, а зарубежных рабочих). Ориентация на Запад оказалась на втором плане: распад разросшегося аппарата советской монополии, тождественный распаду технологических цепочек и конвертированию функций распоряжения в деньги, был всего лишь поддержан политикой займов. Само по себе социальное расслоение, как и «обнищание масс сверх обычного», не вызвали, на удивление западных экспертов, массового протеста.

Однако «революция» оказалась последовательна. Перевод власти в капитал, т.е. легализация привилегированного положения, сделал необходимой либерализацию цен, что соответствовало рекомендациям МВФ. Последующая гиперинфляция была остановлена невыплатой зарплаты, что дополнило кризис неплатежей и затоваривание новым скачкообразным спадом производства. В итоге правительство оказалось не в состоянии выплатить пенсии, а это уже обещало социальный взрыв, поскольку пенсии являются источником средств существования частично занятых, не получающих зарплату или уволенных, но ещё не окончательно маргинализированных рабочих, особенно градообразующих предприятий.

Образ внешнего врага, монополизм и внешний конкурент

Тогда и только тогда, и в противовес, и в дополнение к тезису об измене СМИ поднимают тему «утраты романтических иллюзий относительно Запада». Расширение НАТО на восток придало теме отчетливость. СМИ

обвинили Вашингтон в двоедушии, подтасовке фактов (см., напр., статью члена президентского Совета Аллы Ярошинской, «Комсомольская правда», 21.12.1996) и уверяли в твёрдой позиции Москвы по данному вопросу. Одновременно рекламируется обретение новых рынков вооружений, в частности, поставка Индии истребителей СУ-30МК и, соответственно, обеспечение работой Иркутского ИАПО, поставка на Кипр систем ПВО при негативной реакции США – точно так же, как недавно с восторгом приводили примеры продукции с конверсированных заводов, наконец-то нашедшей массового потребителя.

Незадолго до «утраты» (помним о люфте по времени) Комитет по вопросам геополитики Госдумы РФ разослал главам областных администраций письмо от 5.11.1996 следующего содержания: «...Направляем Вам рекомендации Парламентских слушаний по теме: «Русская идея на языке народов России (концепция геополитической и национальной безопасности), проведённых Комитетом Госдумы по вопросам геополитики 15 октября 1996 г. Участники Парламентских слушаний поддержали необходимость разработки национальной идеи, высказанной президентом России, а также создания правового поля, в рамках которого должны определяться права русского народа, который на сегодня является государственно-образующим». В приложении к письму говорится о «явной дискриминации русских и правовой незащищённости», а также предлагается Госдуме «принять Обращение (декларацию) к президенту, Совету Федерации и к республикам, ранее входившим в состав Союза ССР, с констатацией того, что русские стали разделённой нацией и в соответствии с общепризнанными международно-правовыми принципами имеют право на самоопределение, включая воссоединение». Предлагается также «разработать и законодательно закрепить национальные интересы и национальную идеологию как базовые категории российского общества» и отменить бюджетные и дотационные льготы для национальных субъектов РФ по сравнению с областями.

Как видим, терминология и дух документа за малым исключением совпадают с формулировками Зюганова-Лебеда. В то же время правительство по традиции перехватило у националистической оппозиции инициативу в деле словесной защиты национальных интересов. Министр иностранных дел РФ Евгений Примаков потребовал экономических санкций против стран Балтии, где ущемляются права русскоязычного населения. В этом плане можно по-разному интерпретировать обнародование выводов министра обороны России Игоря Родионова о том, что если правительство не имеет особо энергичных мер, то вооружённые силы в ближайшее время могут утратить способность выполнять стратегические задачи и защищать национальные интересы, суверенитет и безопасность России. Выводы Родионов предполагал довести до сведения президента, но президент в связи с состоянием здоровья не смог его принять. Не в том смысле, что Родионов не устраивает положение России на уровне Японии, Дании и Швеции, которые тоже, как известно, неспособны выполнять стратегические задачи или выстоять против США, защищая суверенитет. Или: «опоздал», или, напротив, «слишком резок». Но какой реальности отвечает то или иное заявление того или иного чиновника? К кому обращено, если Ельцин высказывает национальную идею и в то же время не находит сил для встречи с Родионовым по поводу, непосредственно касающемуся высказывания?

Так и иначе, не всё определяется российским руководством. Ещё в 1995-м назад американские аналитики прогнозировали охлаждение отношений между Россией и США и тенденцию России к самоизоляции. Дело в том, что и для Соединённых Штатов, точно так же, как для России, внутренняя социальная обстановка более значима (хотя если бы в США произошёл переворот, оппозиция бы немедленно нашла руку Москвы). После исчезновения так называемой коммунистической угрозы США лицом к лицу столкнулись с собственными социальными и расовыми конфликтами. (Почва для которых обширна: намечаемая в то время модернизация производства не то, чтобы оттянула средства социальных программ, но натолкнулась на структурные диспропорции в экономике, например, вытеснение производящих материальный продукт в сферу посредничества и прочих услуг, обособление Золотого пояса и т.д.).

Попытка использовать новый образ врага – ислам – в качестве склеивающего нацию материала, камуфлирующего в виду внешней угрозы внутренние противоречия, к особым успехам не привела – в то время вследствие слабости угрозы. После наметившейся консолидации политических партий и профсоюзов, образования Партии трудящихся в США вновь замаячил призрак 60-х. совершенно естественно, что потребовалось реанимировать прежний источник национального единства – Россию, как образ внешнего врага, тем более, что она остаётся второй после США ядерной державой (та же газета «Труд» отмечала: «... несколько обнадеживает (надежды на что? Б.И.) состояние наших стратегических ядерных сил. Оттуда всё же доносятся иногда вести об успешной боевой работе. К примеру, сообщение об... успешном запуске межконтинентальной баллистической ракеты с борта атомного подводного крейсера типа «Кальмар» Северного флота».).

Но ведь давно понятно, что никаких западных иллюзий в действительности и не могло быть – хотя бы после Вьетнама и Северной Кореи. Существует лишь конкуренция между такими сверхмонополиями, как США, Япония, Россия, Китай, в которой идеологическая вывеска играет роль всего лишь дополнительного консолидирующего и подавляющего материала. Более развитое производство с компьютерными технологиями,

робототехникой, автомобилестроением, технологиями высокотемпературных сверхпроводников не страшно было российской промышленности, когда она была не была втянута в широкий международный товарообмен. Любые попытки выйти за пределы тепличных условий сверхмонополии с её собственными внутренними ценами (как в любой монополии), то есть, с чертами натурального обмена, любые попытки пробиться на внешние рынки или пустить конкурентов на внутренний, «вытаскивают более слабого противника развитием товарообмена на капиталистическую арену», где его «кладут на обе лопатки в процессе свободной конкурентной борьбы». Для победы развитого хозяйства «вполне достаточно экономических преимуществ... Насилие играет главным образом вспомогательную роль. ... Исход боя решал потребитель, который, покупая более дешёвый (или более качественный, Б.И.) продукт, тем самым голосовал ...» за более развитое производство, «делаясь покупателем капиталистической продукции». (Е. Преображенский, «Основной закон социалистического накопления»). Итак, главный изменник – потребитель.

У государства возникает дилемма: либо попытаться повисить производительность труда и качество продукции за счёт конкуренции и обмена рынков со стопроцентной вероятностью экономической оккупации и вытеснения местного производителя, либо изолировать страну экономически (и от международного рабочего движения тоже), необходимым условием чего являются национальная идея и милитаризация экономики. Сохранение ядерного потенциала позволяло формулировать военную доктрину, исходя, например, из следующего:

1. Невозможность ядерной войны из-за экологической катастрофы; I
2. Невозможность широкомасштабных военных действий обычными средствами между ведущими государствами и т.д.).

Изоляция же означала испытать лишь косвенное влияние международного рынка с уже имевшими место последствиями и остаться лицом к лицу внутренними противниками.

С другой стороны, доминирование центра - основа экономической независимости. Однако привилегированный центр оказался наиболее подвержен влиянию иностранного капитала.

Одно из решений проблемы предложил Александр Лебедь во время своего визита в Германию в январе сего года. Говоря о том, что «ни один русский солдат не двинется за пределы России», Лебедь по сути излагал военную доктрину. Она очевидна: пусть воюют другие. Россия уже третья страна, это реальность. И если «экономическая оккупация», то оккупантом должна стать слабейшая страна из первых двух. Почему бы не выбрать Германия? В Маастрихтских договорённостях она играла первую скрипку. В начальный момент, поскольку курс эку зависел от положения каждой страны, предпочтение будет отдаваться независимой валюте – доллару. Именно Германия поддерживал эку против доллара. В то же время Маастрихт мог играть не только роль орудия внутриевропейской экономической экспансии для Германии, но и роль буфера в её взаимоотношениях с Россией. Так не расширить ли ареал обитания германского капитала в России? Повторить Рапалльский договор в новой форме?

По возвращении Лебедь заявил: «Мосты наведены, скоро можно будет ходить», не забыв пригласить германских промышленников вкладывать деньги.

Увы. Немецкий политолог профессор Генрих Фогель отмечал: «К сожалению, очарование Лебеда заключается в его наивности. Неясно, как он намерен объединить две концепции, которые он проповедует: усиление роли государства в экономике и отмена барьеров на международном рынке». (Радио «Немецкая волна»).

Лебедь не ограничился внешней политикой. Из лексикона неформальных националистов Лебедь ввел в политический обиход «государственно-образующую нацию».

Бывший министр иностранных дел, далее депутат Госдумы РФ Андрей Козырев мягко убеждал, то во внешней политике необходимы иные, противоположные акценты. Оказавшись в опале, он принялся – как это делают либералы и сегодня – указывать на внутренние проблемы: «НАТО не виновато в том, что не выдают зарплату. Представлять НАТО как угрозу – значит (а точнее - в первую очередь, Б.И.) воссоздать образ внешнего врага, как это делает оппозиция типа КПРФ. Россия уже третья страна, поэтому бессмысленно противодействовать расширению НАТО». Следовательно, полагает Козырев, нужно сотрудничать с этим блоком, где первую скрипку играет США (вот здесь в отличие от Лебеда, который также вроде бы не против расширения НАТО). И таким образом войти в мировое сообщество.

Козырев старался внушить, что западный капитал ничем не угрожает России. Между тем, образ врага уже стал необходим и Москве, и Вашингтону, а не только российской оппозиции. Что само вхождение в «мировое сообщество» уже оказалось чревато. Во-вторых, блок-то – военный. Против кого же, где ж общий враг? Ислам? В своём «назывании вещей своими именами» бывший министр проговорился: «Бывшие страны СЭВ стремятся в НАТО, потому что участие в блоке – какой-то показатель, залог стабильности». То есть, внутренней социальной стабильности – помним Преображенского. Тогда ясно, против кого - всеобщее объединение в военном плане. Следовательно, позиции Козырева и КПРФ при внешнем различии совпадают, только акценты, способы достижения «стабильности» они выбирают разные.

Не мог быть решением проблемы и поиск золотой середины – умеренное использование государственных рычагов управления экономикой, адекватные таможенные условия и пр. По той причине, что правящий класс в те годы еще не сложился, потому и государство было бессильно.

Выбор есть, когда есть сила. Когда ее нет, остается единственной роль мальчика для битья. Все здоровые силы государство успело раздавить до своего краха.

***

Подход стандартного государственника оставляет за скобками анализа следующие реалии: 1. Тенденцию к обобществлению производства, к централизации финансового капитала и в целом управления экономикой в мировом масштабе. (Здесь нет фаталистической линейной схемы; вполне возможно возникновение некой пульсирующей системы со многими центрами.) Новый виток в развитии этого процесса – после «стадии империализма», государственно-монополистического капитализма – прогнозировали многие исследователи. В частности, Крис Харман пишет о мире-гибриде, «в котором каждый капитал всё больше выходит за свои государственные границы, но одновременно более чем когда-либо зависит от своего государства (своих государств)», где происходит «усиление споров посредством развёртывания военной силы. Это мир, который уже перешёл за стадию государственного капитализма». («International Socialism», 1991). Доктор исторических наук Михаил Сулов, говоря об идее единого мирового порядка, «неудачной проверкой которой стала Пмировая война», заговорил об «ультраимпериализме», о котором писал Каутский, а Ленин его опровергал (Тезисы российской конференции «Великая Отечественная война: уроки и проблемы», ПГУ, 1995, международной конференции «Рабочее движение: состояние и перспективы», ПГУ, 1996). К сожалению, авторы вместо содержательного определения новой стадии ограничиваются атрибутивным, т.е. перечислением признаков.

Что означает новый виток централизации финансового капитала? Дальнейшее объединение национальной буржуазии как класса-для-себя в наиболее развитых странах для облегчения экспансии национального ядра транснациональных корпораций. Верным индикатором объединения служит рост в последнее время шовинистических выступлений и провокаций в странах большой пятёрки (отмеченный ещё в 1992 г. К. Э. Сорокиным, «Российские интересы и разоружение», «ПОЛИС», №4 (10), 1992). Действительно, централизация финансового капитала приносит сверхприбыли и усиливает расслоение населения по доходам. В условиях, когда политические партии «отыграли» или близки к этому, а трудящиеся не имеют собственных организационных центров, недовольство будет канализировано по националистическому руслу. Пассивность по отношению к внутренним социальным партнёрам неизбежно породит фашизм.

Экспансия порождает обратную реакцию, усиление центробежных (от США) тенденций, усиление протекционистских мер. Милитаризация экономики Европы как средство защиты от захвата транснациональными корпорациями внутренних рынков или как орудие для передела экономического пространства в надеждах, что «лосёнка на всех хватит», разумеется, не произошла, надежды на общеевропейскую армию (и распад НАТО) рухнули в виду прагматичности ЕС – зачем армия, если в военном плане есть ядерный потенциал России, достаточно экономического противостояния евро и доллара. События показали – недостаточно.

Проблемы ЕС в конкуренции со США могла бы решить растущая автоматизация производства. Её интенсивным параметром может служить величина эффективных энергозатрат на единицу живой силы; опять же вероятно возникновение пульсирующего режима, например, «приватизация-национализация». Однако множество производств было вынесено за пределы развитых стран Европы в третьи страны (бегство капитала), в то же время усилились потоки в ЕС мигрантов, неквалифицированной рабочей силы. В США, в мировой финансовый центр, наоборот, перемещались высококвалифицированные кадры.

Однако даже в таких выгодных для себя условиях Америка для победы над ЕС не смогла обойтись без реанимации образа внешнего врага в лице России.

Россия же принялась реализовывать вариант Козырева, и эта реализация варианта Козырева продолжается по сей день.

Рассмотрим другую сторону вопроса.

Государственная монополия это: а) стабильность, гарантированный заказ, б) относительно высокая зарплата, в) казарменный режим на предприятии.

На оборонных предприятиях, где перечисленные факторы имеют особый вес, добавляется отсутствие прямой востребованности продукции населением (то есть, особая обезличка, усиливающая использование труда в никуда – достаточно вспомнить незавершённые проекты в военном производстве и проектировании в доперестроечный период). Это неминуемо ведёт к исключительной социальной пассивности занятых в ВПК, которая, в свою очередь, обуславливает низкую производительность труда.

Итак, для России снова стояла дилемма: либо деградация труда вследствие иностранной экономической экспансии, либо деградация труда на заводах ВПК вследствие противодействия экспансии. Теперь уже ясно, что никакой золотой середины не существовало. Государственность означает пресловутое «социальное партнерство», сожительство рабочего класса и буржуазии, элиминирование из рассмотрения отношения «рабочие - буржуа» внутри производства. Экономическое противоречие попросту подменяется национальным при полном подавлении в реальности национальной динамики национальных **низов**. Распад СССР – это не разделение по национальному признаку, а экономический распад из-за невозможности аппарата управления охватить все богатство хозяйственных связей.

Но это абстрактная постановка вопроса. Если бы его решали руководители, озабоченные решением, возможно, они бы нашли выход, например, в виде военного госзаказа частным предприятиям, как в США. Во всяком случае, они избавились бы от коррупции, что могло бы наполнить содержанием лозунг государственности. Однако руководители были озабочены исключительно собственным обогащением, бюджет РФ расхищался более чем наполовину. И не могло быть иначе в виду того, что российская буржуазия еще не сложилась, как класс-для-себя, единые интересы внутри нее еще не вызрели, следовательно, государство как орудие реализации этих интересов ей не было нужно.

Соединение классового с национальным?

Левое крыло КПРФ – Ричард Косолапов, Михаил Титов и др. – понимали неосуществимость национального синтеза из ничего, смешивая классы, и даже обвинили в открытом письме Зюганова, что он «не овладел диалектико-материалистическим методом». На самом деле они пытались провести в жизнь мысль Д. Лукача о необходимости соединить национальные течения с рабочим движением. Но ведь при этом необходимо, чтобы рабочее движение хотя бы существовало. Не говоря уже о капиталистической конкуренции, которая бы сталкивала рабочих разных национальностей.

В 1917 году в России национальный интерес соединён с классовым: «Социалистическое отечество в опасности!» Во II мировой войне национальный интерес оттесняет классовый, немецкий пролетариат занят уничтожением товарищей по классу в соседних странах. Наконец, в 1957 г. на Совещании коммунистических партий принимается, что «основным противоречием эпохи» является не внутреннее производственное противоречие в США, Германии или СССР, а между системами социализма и капитализма, внешнее для каждой страны.

Получалось, что обострение противоречия между трудом и капиталом в каждой стране зависит не от уровня развития производства, а от внешнего источника: абстрактное общее диктует абстрактному особенному. (Скажем, Ильенков или Гегель весьма удивились бы такому пониманию противоречия. К чести советских академических изданий и учебников политэкономики, они проигнорировали установку Совещания.)

Таким образом, не при Путине, а еще при Ельцине правительство России вместе с Госдумой и оппозицией в целом, повторяя старую практику, возрождали русскую государственно-образующую идею вплоть до лозунга «Догнать!» (см., напр., статью Н. Симония «Догоняющее развитие Незапада», МЭиМО №12, 1996, где национальная консолидация предлагается как способ вхождения в сообщество более развитых стран и выживания там в конкурентной борьбе, что, разумеется, противоречит рекомендациям МВФ). Цель этого возрождения - устранение следствия, волны забастовок. Тем же путём реанимации образа старого врага, при сохранении причин экономического кризиса.

Лозунг обращен в пустоту – по сей день в России не сформировалась национальная буржуазия. Дерипаска в собственных интересах отдает российский алюминий Штатам, Алекперов заявляет, что Украина и США ему интереснее, чем Россия, Абрамович, Мордашев предпочитают строить производства в развитых странах – с высокой ценой рабочей силы. Нефтяной магнат Алекперов открыто заявляет, что Украина (фашистская!) и США ему интереснее России. Наконец, турецкий и еврейский капиталы внутри России открыто действуют против России.

Военный вопрос, рабочее движение и пролетарский интернационализм

1. Из изложенного следует, что даже в том случае, если революция будет носить планетарный характер, тезис о замене армии всеобщим вооружением народа устарел. Уже со времен 1-й мировой, тем более, в современных условиях армия в любом государстве должна быть и будет профессиональной.

Из этого вытекает, что армия становится изолированной от общества, даже от трудовых коллективов ВПК. Относительно изолируются и предприятия ВПК.

Из того вытекает, что тезис о вооружении рабочего класса (не народа!) помимо армии должен быть проведен в жизнь, а не сгинуть в небытие, как это произошло в 1918-м.

Из этого немедленно вытекает необходимость работы левых с армиями собственных стран. Но такой работы нет ни в одной стране мира. Ни в одну левую организацию не входит ни один военный.

1.1. Армии, ВПК, государству нужны спецслужбы. Рабочих активистов уничтожает также и охрана частного предприятия, в том числе специализированная, составленная из бывших сотрудников спецслужб. Активистов уничтожают в горнодобывающей отрасли, на химическом производстве, даже в строительстве.

Из этого немедленно следует, что:

- у левых, у рабочих организаций должна быть собственная спецслужба, как это было у РСДРПб,
- собственная охрана,
- собственная служба добычи информации (включая хакеров), поиска информации, ее обработки и анализа по типу американского АНБ.

Если отряды боевиков у некоторых левых радикалов имеются, то последний пункт отсутствует у ВСЕХ левых, что либо обрекает их на гибель, либо делает бесполезными.

2. Приходится констатировать, что, в полном соответствии с п. 1, не только армия, но и не изолированный от неформалов ВПК России никак не прореагировали на обрушение экономики, они безропотно рушились вместе с ней и обрастали коррупцией вместе с руководством РФ.

То есть: армия, флот, КГБ-ФСБ, руководство ВПК, прикрываясь единоначалием. НИКАК не защитили экономику, страну, народ. Промышленность, ресурсы расхищали и расхищают на глазах защитников государства, на глазах защитников России – и с их участием - вымирает ее население. По указанным выше причинам полностью пассивными оказались и рабочие ВПК.

3. В Перми в 90-е исчез оборонный завод им. Октябрьской революции (АО «Велта»), где 35% производства занимал оборонный заказ (капсюли для взрывных устройств и прочее), численность трудового коллектива оборонного завода им. Ленина (АО «Мотовилихинские заводы») сократилась с 27 тыс. до 10 тыс. в 90-е и до 3 тыс. в нулевые, исчез оборонный телефонный завод, программа звездных войн («Галоген») прекратила существование, в 90-е Pratt&Whitney демонтировали линию движков для МиГ-31 на «Пермских моторах», и Путин в нулевые не смог решить этот вопрос, в конце нулевых окончательно остановил работу оборонный завод им. Дзержинского (сепараторы для военного флота, охлаждающие системы для подлодок и прочее), по НПО «Искра» («Тополь», «Булава». «Синева») ударили политика Украины и санкции.

В целом ВПК РФ за 28 лет понес невосполнимые потери.

В 90-е Россию вытеснили с рынка вооружений, свои позиции при росте продаж она не восстановила. В тот же период просел и ВПК США. Затем начался обратный процесс. Однако в РФ разрушено и распродано было такое количество вооружений, что даже увеличение расходов оставляет военный уровень современной России далеко от доперестроечного.

В 2018 году военный бюджет РФ составил 3,9% ВВП, 61,4 млрд. долл., Китая – 1,9%, 250 млрд. долл., США – 3,2% ВВП, 649 млрд. долл., более трети мировых расходов.

С 2009 по 2018 г. Россия увеличила военный бюджет на 27%, Китай – на 83%, США сократили на 17%.

Что означают эти проценты? Что рабочие заводов ВПК (как и армия) - заложники политики правительства, полностью от него зависимыми, собственной внешней политики у рабочих в развитых странах нет.

4. Военный вопрос для Ирана, Северной Кореи, Венесуэлы имеет первостепенное значение. Роль рабочих в этих странах далека от борьбы против местной буржуазии, рабочие поддерживают своё руководство.

Всего для трех стран мира военный вопрос является вопросом экспансии: для России, США и Китая.

Из этого списка выпадает Россия, поскольку буржуазия в РФ не вызрела как класс-для-себя, государство ей почти не нужно. Согласие на воссоединение Крыма было вынужденным, в Сирии изначально РФ шла в фарватере политики США, и лишь поворот Обамы в сторону от ИГИЛ позволил Кремлю начать кампанию по отстаиванию своих нефтяных и газовых интересов, отказ Кремля присоединять Новороссию, даже обезопасить ее от украинского фашизма показал недееспособность российской буржуазии к экспансии. В противном случае она легко получила не только ДНР и ЛНР, но и Харьковскую республику, и Одессу, и Запорожье, и Херсон.

5. То есть. Экспансия США в РФ носит не военный, а экономический характер. Единственной точкой, где пересекаются военные интересы РФ и США, является лишь Сирия, где ВКС РФ действуют хотя и в экономических интересах РФ, но уничтожают ИГИЛ. Это вторичные моменты.

Первичным же является следующее: как и в Германии перед 1-й мировой войной, когда социал-демократы голосовали за военные бюджеты, как во 2-й мировой, когда германские рабочие уничтожали братьев по классу, так и сегодня военный вопрос есть тормоз для развития рабочего движения во всех странах. В период доминирования процесса глобализации, противостояния национального и интернационального в рамках вскрытой Марксом тенденции мирового капитала к централизации, рост рабочего движения подавлен, что ярко видно на примере Украины.

Вопрос о пролетарском интернационализме ставится левыми вне всякой связи с тем, есть где-либо этот интернационализм, кроме головы левых «светильников разума» и партийных резолюций, или нет. Реальность такова, что никакого пролетарского интернационализма нет в природе уже давно. Нет и еще долго не может быть никакого интернационализма с пролетариями Израиля, Китая, Ирана, Северной Кореи, США, Южной Кореи, Сирии, Норвегии и т.д.

Яркий пример – цыгане. Чтобы состоялся пролетарский интернационализм, нужно наличие пролетариев. Но цыгане не работают. «Цыгане не признают нашу страну своей родиной, кажется, у них нет понятия о родине. Нет у них понятий и о честности, и о своих обязанностях по отношению к приютившей их стране. Поэтому среди призванных в армию цыган г. Симферополя было особенно сильное тяготение к дезертирству.

С приходом немцев цыгане особенно усиленно принимали участие в грабежах. Целыми подводами они свозили к себе муку, зерно, они разбивали магазины и первые бросались в них с заготовленными мешками и наполняли эти мешки всякими припасами и вещами. В начале немецкого владычества цыгане были весёлыми, особенно оживлёнными и предприимчивыми. Они первые из городского населения начали громко выражать свою радость по поводу падения советской власти. Цыгане же делали нападения на городские статуи Ленина. Они без стеснения кричали проходившим по улицам евреям: «Прошла ваша жидовская власть!»» (из дневника Хрисанфа Лашкевича «Симферополь, осень 1941»).

Другой пример: Жителям города Зволле в Нидерландах удалось отозвать с должности мэра Карла Йельса за невыполнение своих прямых обязательств. Как выяснилось, в 2019 году в населённом пункте состоялось всего лишь 4 гей-парада, вместо положенных шести, как это происходит в других городах королевства. За невыполнение плана. Отклонился от линии партии.

Ни за какие блага в мире русских рабочих не заставить поддерживать голландских педерастов.

6. 1) Не может быть пролетарского интернационализма между русскими рабочими и рабочими тех наций, которые поддержали бомбардировки Белграда и Триполи, развязывание Штатами войны в Сирии, фашизм чеченских боевиков по отношению к русским и выступили против СССР во 2-й мировой, поддержали войну Кишинёва против Приднестровья, Тбилиси – против Южной Осетии и Абхазии, косовских албанцев – против Белграда, поддержали обман с отравлением Скрипалей, с допингом российских спортсменов (как бы богаты они ни были), с виной России и ДНР в катастрофе малайзийского боинга, с «экспансией» Крыма и т.д.

У мировых левых – полностью отсутствует понимание, что в данном утверждении нет ни малейшей поддержки Путина. Увы, дело не только в ангажированности, но и в низком интеллектуальном уровне мировых левых, включая профессуру, которая пишет тексты на уровне российского студента 3-го года обучения.

2) У европейских и многих американских левых – полное отсутствие понимания, что главным врагом рабочего класса сегодня является империализм США.

Это не значит, что местная буржуазия перестает быть врагом. Но это обязывает левых поддерживать местную буржуазию против агрессии и экспансии США.

У России - специфика, поскольку Москва сама идет в фарватере политики США, поддерживает санкции США против Северной Кореи, не препятствует Израилю наносить удары по Сирии, хранит фонды в банках США под 1%, в ответ на санкции поставляет в США нефть, титан, движки РД-180 для МБР, передает промышленность и финансы в руки американских и проамериканских корпораций и т.д. Путин не выполнил своё обещание от 4.3.2014 защитить русских в Новороссии, призывал не проводить референдумы ДНР и ЛНР о выходе из Украины, не признал их итогов, а затем навязал Минские соглашения, незаконно отменяющие референдумы именно в русле политики США.

3) Казалось бы, после распада СССР исчез посредник между трудовыми коллективами разных стран хотя бы теми, кто связан экономически. Мало того, что различные левые организации мира стремятся стать такими посредниками, но и сами трудовые коллективы не стремятся к контактам.

Пролетарский интернационализм есть не приятное отношение к мигрантам, а совместное действие пролетариев разных наций против буржуазии. Собираются рабочие-мигранты действовать против буржуазии? Нет. Собирались чеченские пролетарии действовать против буржуазии? Нет. Вообще вопрос о существовании чеченских пролетариев (или албанских) – спорный.

Единственной внешней политикой рабочих всех стран в такой ситуации может быть лишь противодействие мировому жандарму и экономическому оккупанту – США, рядом с которыми становится Китай.